

Некогда
цветущий город
Припять, где
жили работники
Чернобыльской
АЭС, стал
памятником.

Владимир РЕГИУ/ТАСС

ЯПОНСКИЕ РОБОТЫ РАЗВАЛИЛИСЬ, А ЛЮДИ СТОЯЛИ ДО ПОСЛЕДНЕГО

- Там было, как на войне. Надо Родину защищать, своих детей. Надо справляться с последствиями катастрофы. На-а-адо! - жестко говорит **Роман Соколовский, председатель сразу двух краснодарских общественных организаций - инвалидов «Чернобыль» и национально-культурной «Белорусы Кубани»**. Когда случилась авария, ему было 28 лет.

Ночью 14 мая 1985-й отдельный механизированный полк гражданской обороны Северо-Кавказского военного округа, базировавшийся в станции Динской Краснодарского края, подняли по тревоге.

- Сама авария на ЧАЭС случилась 26 апреля, но официально о ней сообщили только восемнадцать дней спустя, -

объясняет Соколовский. - Жили в палаточном лагере в пятидесяти километрах от Припяти. Когда приехали в город, аж мороз по коже пробежал - никого нет! Мертвый. Только звенящая тишина. Идем по улицам, а навстречу - обезумевшие кошки, собаки.

В Припяти мы отмывали дома от радиации. Ковшами зараженную землю срезали и вывозили в могильники, которые сами и рыли, - глубокие ямы, обложенные изнутри и снаружи бетоном.

Я был замполитом батальона специальной обработки. Отвечал и за питание. В городе где-то нужно было место найти для столовой. Увидели ресторан с наглухо закрытыми окнами. Значит, опасная

пыль внутрь не прошла. Зашли, и прямо жутко стало. Как будто клиенты и персонал вышли и скоро вернутся. На столиках - тарелки, кружки. На стойке - открытые бутылки с вином. Измерили уровень радиации - низкая. Там и решили устроить себе столовую. Еду не готовили, привозили в специальных термосах.

Как-то приехали «чистые». Так мы называли тех, кто еще не облучен. Их направили на уборку крыши третьего реактора. До них японских роботов запускали, но они развалились на части, не выдержали радиации. Надежда была только на людей. Нас туда уже не пускали - к тому времени мы хорошо «пропитались».

ЕСЛИ БЫ НЕ ПОДВИГ ПОЖАРНЫХ, СТЕРЛО БЫ ПОЛ-ЕВРОПЫ

Полковник внутренней службы в отставке Анатолий Симонов помнит свою чернобыльскую командировку до мелких деталей. Во время катастрофы он работал заместителем главы пожарной охраны Воронежской области. Отвечал за безопасность на другой атомной станции - Нововоронежской.

- За два года до катастрофы я был на Чернобыльской АЭС на совещании руководителей пожарной охраны. Там заметил то, чего не было на других станциях. Когда выходили из блока, дозиметр начинал звенеть на нашу обувь. Представители АЭС тогда отвечали: «Это все допустимые нормы, ничего страшного нет». Это иллюстрация факта, что в то время немножко непрофессионально, слишком легко относились к атомной станции.

Через четыре дня после трагедии меня отрядили в опасную зону. По дороге просто летели - была совершенно пустой. Остановились, когда увидели бензовоз. Не знаю, какому ведомству он принадлежал, но водитель бесплатно отпускал топливо, только записывал номера автомобилей. Вышли мы из машины... А вокруг такие леса замечательные! Это же на границе с Беларусью с ее пушицами. Казалось, что все хорошо...

Меня встретил **начальник пожарной охраны Украины Филипп Десятников**. Рассказал о подвиге пожарных, которые тушили огонь вблизи разрушенного реактора. Что многие из них получили слишком большую дозу, их в критическом состоянии увезли в Москву. Я тогда сказал: «Им всем надо давать Героя, они

заслужили это звание! Если бы они упустили пожар и он распространился на другие блоки, что было бы тогда?»

Увы, звание Героя СССР присвоили только трем пожарным: при жизни - **майору внутренней службы Леониду Телятникову, а посмертно - лейтенантам внутренней службы Виктору Кибенку и Владимиру Правилу**. Ни одного рядового не отметили высокой наградой.

Чернобыль и Припять - страшная картина. Пустые дома, закрытые пленкой колодцы. Кругом куры, собаки, которые не могли ходить, поэтому ползали... После спецприказа животных начали отстреливать.

В Чернобыле нас разместили в двухэтажном здании пожарной части. Каждый день нам выдавали новый комплект одежды, старый сжигали. Отвечали за пожарную безопасность вместе с **заместителем начальника Главного управления пожарной охраны СССР Игорем Кимстачем**, который был знатоком Курской АЭС. Обе станции строились по одному плану. Благодаря этому Кимстач знал, куда ведет каждая дверь на ЧАЭС.

- Составили предписание из 33 пунктов. Потом выбрали три самых важных. Перво-наперво нужно было восстановить разрушенную систему пожарной автоматики. Поехали вручать этот документ директору ЧАЭС Виктору Брюханову. Вскоре Верховный суд СССР приговорит его к десяти годам лишения свободы. Отсидит он всего четыре, потом его опустят.

Тогда Брюханов сказал: «Если бы не пожарные, мы бы с вами не беседовали в этом кабинете. И половины Европы сейчас бы не существовало».

Ликвидатор, уфимец Олег СТЕПАНОВ:

МЫ ОБСЛУЖИВАЛИ ВЕРТОЛЕТЫ, ЗАЛИВАВШИЕ БЕТОНОМ ВЗОРВАВШИЙСЯ ЭНЕРГОБЛОК

- В 1987 году отправили служить в Киевский военный округ - наши авиаторы там очень ценились. Июль, жара страшная. Выхожу на вокзал в Киеве, а воздух какой-то странный - ни пылинки! Оказалось, по всему городу протянули трубы с дырочками и везде по улицам вода льется - радиационную пыль прибивает.

Служил в штабе 17-й воздушной армии, в Конотопе (400 км от Чернобыля). А через полгода отправили в поселок Климово, в шестидесяти километрах от Припяти. На улице минус двадцать, в казарме +10. Легли спать одетые. В первое же утро вся рота проснулась, как с бодуна - башка трещит, во рту сухость. И так всю неделю. Потом привыкли. Даже грибы собирать не боялись, с дозиметром ходили: не

Валерий ЗУФАРОВ/ТАСС

На въезде в опасную зону стояли посты. Со всех машин смывали радиационную пыль.

трещит - наш клиент!

Обслуживали двигатели самолетов и вертолетов. Еще должны были вертолеты обрабатывать дезактивационной жидкостью. Это такой адский компот из порошка, хлорки и еще бог знает чего - через три дня от хлопчатобумажной

тряпки оставалась лишь редкая сеточка. Без спецкостюма - прорезиненного комбинезона и противогаза - подходить к ним запрещали на пушечный выстрел. Потом только узнали, что эти вертолеты летали в Припять, заливали бетоном энергоблок.

ВОСПОМИНАНИЕ

Александр ПРОХАНОВ, журналист, писатель:

- Я тогда писал роман об атомной станции. По сюжету предполагалось, что я стану свидетелем крупной аварии. И она странным мистическим образом произошла по-настоящему. Через десять дней после катастрофы я был там.

После взрыва четвертого блока был большой выброс - куски графита с большой высоты падали на кровлю, прошибали ее и устилали пол. Помню, как из этих дыр светило - будто лучи лазера под разными углами.

Там была безумная радиация, сотни рентген, и солдаты химзащиты выстраивались перед стеной этого блока. Их были там сотни. Командир выпускал по одному. Они должны были в том блоке находиться примерно тридцать секунд. Вбегали, хватали обычный совок и веник, мчались в ту точку, которую указывал командир. Нужно было подцепить кусок графита - большой или крохотный - веником на совок и бежать к мусорному контейнеру.

Они очищали просто вручную. Другой технологии тогда не было - ни роботов, ни спецмашин. Возвращались оттуда бледные, трясущиеся. Стягивали с себя бахилы и роботы, полные пота - как будто их в бассейн окунули.

Виктор Гусев/Крипедиа.ру